

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук / St. Petersburg
Institute of History, Russian academy of Sciences
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
rupasov_ai@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
В ГОСУДАРСТВАХ БАЛТИИ В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
1930-х гг.**

**THE PROTECTION OF NATIONAL MINORITIES IN THE BALTIC STATES
IN SOVIET FOREIGN POLICY IN THE 1930s**

Abstract: The article analyses the Soviet policy towards national minorities in the Baltic States during the 1930s. Despite the external logic of doctrinal attitudes, the Bolshevik national policy remained a constant search for solutions to constantly emerging problems, especially in specific international situations. Where these problems were complicated by external factors, ideological installations were often superfluous, and as a result, national policy issues were sidelined in the hierarchy of tasks. The political danger of strictly following the doctrine was particularly sensitive for staff member of the Comintern and Soviet diplomats. Throughout the interwar period, Soviet diplomacy, recognising the possibility of using national minorities as a tool to influence the policies of the Baltic States, has not in practice resorted to it.

Ключевые слова / Keywords: Государства Балтии, СССР, национальные меньшинства, советская дипломатия, Коминтерн, межвоенный период / Baltic States, National Minorities, USSR, Soviet Diplomacy, Comintern, interwar period

Сфера национальной политики для большевиков, несмотря на внешнюю логичность доктринальных установок, в конкретных ситуациях неизбежно оставалась постоянным поиском решений столь же постоянно возникавших проблем, помимо существующих. В том же случае, когда эти проблемы оказывались осложненным внешними факторами, программные установки нередко оказывались лишними, и как результат, в иерархии задач вопросы национальной политики отодвигались на задний план¹. Политическая опасность строгого следования доктрине особенно чутко осознавалась в аппарате Коминтерна и советскими дипломатами. Если Верхняя Силезия оказывалась достойной борьбы

¹ Роль поддержки национальных меньшинств во внешней политике Советской России остаётся неисследованной темой в историографии, в отличие от собственно национальной политики во внутренней политике СССР. В тех случаях, когда поднимается вопрос о взаимосвязи внешней политики и национальной политики, то приходится иметь дело с банальной констатацией, что национальная политика СССР была тесно связана с внешней и смена приоритетов в определении принципов межэтнических отношений как минимум частично зависела от уровня геополитического напряжения» (см., например: Шербак А. Н., Герина Я. Я., Бердюженко Д. А., Мендыгалеева А. Б., Зайцева А. В. Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Политика. 2017. № 3. С. 110). Частично этот вопрос затронут в работе: Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М., 2014. С. 505–524 (вступительная статья к третьему разделу).

за самоопределение, то борьба словацкой компартии за расширение автономных прав Словакии поддержки не находила. Лишившийся уже в конце 1920-х гг. самостоятельности в «революционном творчестве» и обязанный учитывать советские внешнеполитические интересы и подходы к решению международных проблем аппарат Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) именно в сфере национальных отношений оказался в крайне затруднительной ситуации.

В апреле 1935 г. в Польско-Прибалтийском лендерсекретариате ИККИ был подготовлен очередной вариант резолюции «Задачи компартий Прибалтики в борьбе против захватнических планов гитлеризма и в защиту СССР». Насколько можно судить по документам лендерсекретариата, первые наброски этого документа были сделаны ещё в 1933 г., т. е. вскоре после прихода к власти национал-социалистов в Германии. За два года текст этого документа неоднократно и более чем существенно перерабатывался. Стилистические огрехи оставались, сущностная сторона резолюции менялась радикально. В частности, такая политическая задача коммунистических партий, как «защита СССР», то удалялась из текста, то восстанавливалась в нём. Не будем в данном случае касаться причин, обуславливавших подобную редакцию текста, это отдельная тема². Он же представляет для нас интерес, как один из немногих документов, позволяющих частично выяснить отношение политического руководства СССР к национальным меньшинствам прибалтийских государств³.

Авторы проекта резолюции доказательство своего главного тезиса (возможность возникновения в Прибалтике войны и превращение этого региона в плацдарм контрреволюционной войны против СССР) видели в усилении классового террора и в «бешеном усилении национальной травли и угнетения национальных меньшинств»⁴. Поскольку целью прибалтийских компартий (имелись в виду не только компартии Эстонии, Латвии и Литвы, но, в отдельных вариантах, Финляндии и Польши) должно было стать предотвращение войны, главное внимание авторами было уделено способам достижения этой цели. Особое

² Заметим только, что в 1934 г., после наметившегося несколькими месяцами ранее сближения Германии и Польши, вызвавшего тревогу в национальных элитах Эстонии, Латвии и Литвы, Советский Союз попытался выступить в качестве своего рода защитника сохранения *status quo* в регионе. Постановка перед компартиями балтийских государств задачи защиты СССР оказывалась неуместной.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 61. Д. 93; Оп. 20. Д. 462; Оп. 20. Д. 462. Л. 5.

⁴ В последнем варианте документа (май 1935 г.) тезис о «шовинистических настроениях вокруг Мемеля» был удалён из текста, что делало и без того противоречивый текст ещё более путанным. Чем это было обусловлено? Необходимостью оказания политической поддержки со стороны СССР Литве и одобрения её национальной политики в регионе? Или заинтересованностью в подвигах в советско-германских отношениях? Хотя, быть может, это диктовалось и стремлением уклониться в целом от решения мемельской проблемы, недаром тогда в Москве пошли на закрытие генерального консульства в Мемеле.

предпочтение отдавалось борьбе, которую коммунистам следовало возглавить, за отстаивание прав угнетенных национальных меньшинств. В тех случаях, когда речь шла о территориях компактного проживания того или иного национального меньшинства, чаще ставилась задача добиваться для этого меньшинства прав на самоопределение, вплоть до отделения. Что касается, например, Эстонии, то предусматривалось ведение борьбы вплоть до отделения Печорского края, населенного русскими. В свою очередь, компартия Латвии должна была вести борьбу против угнетения Латгалии⁵, а литовская компартия — за отделение Мемельской области (речь шла о защите прав немцев; о защите интересов польского национального меньшинства речи не шло, в Москве испытывали опасения в отношении «клайпедизации» польского меньшинства Варшавой⁶). В каждом из этих случаев компартии должны были отстаивать право на самоопределение данных территорий вплоть до отделения, но против присоединения их к Германии⁷. В мае 1935 г. в проект резолюции был добавлен ещё один пункт, предусматривающий борьбу компартии Финляндии против угнетения населенных шведами территорий⁸. При этом отсутствовало упоминание населенной русскими Райволовской общины на Карельском перешейке, к которой время от времени проявляли интерес советские дипломаты. Так, отношение к этой общине охарактеризовал в 1928 г. в одном из своих докладов полпред С. С. Александровский, считавший, что предпринимать в этом вопросе что-либо трудно: «Вопрос этот не новый... Формально мы не можем выступать в защиту этих русских. Тем не менее, мы, конечно, заинтересованы в их сохранении на Карельском перешейке, а также и в том, чтобы эти русские помнили о нас, как о возможных защитниках их интересов. Но здесь начинается для нас довольно скользкая почва, и это требует большой осторожности и осмотрительности». Полпред рекомендовал

⁵ Борьба за права латгальцев предусматривалась и ранее, так в «Программу действий для сельскохозяйственных рабочих, бедняцких и середняцких крестьян Латвии» (август 1931 г.) был включён следующий пункт: «Мы требуем для Латгалии права на самоопределение вплоть до отделения, полного национального равноправия латгальцев и других национальных меньшинств». (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 394. Л. 103–104). Однако, хотя советские дипломаты и рассматривали желательность усиления влияния в Латгалии, но, как, например, в свое время писал в Москву полпред в Латвии И. А. Лоренц, «нам одновременно непременно необходимо избегать всего, что могло бы создать впечатление, что мы поддерживаем в Латгалии сепаратизм и что наша работа направлена против Латвии» (Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0150. Оп. 22. П. 46. Д. 4. Л. 140). Лоренц имел в виду «разные группировки» в Латгалии, но особенно старообрядцев.

⁶ Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 85. Л. 9.

⁷ Резолюцией польско-прибалтийского лендерсекретариата от 17 сентября 1934 г. «Об усилении фашизма в Литве» литовской компартии предписывалось «бороться самым решительным образом против литовских оккупантов Мемельской области... против насильственной литвизации и травли литовцев немцами». (Там же. Д. 417. Л. 4–5).

⁸ РГАСПИ.Ф. 495. Оп. 20. Д. 462. Л. 22.

в ленинградской прессе, но «без ударной кампании», затрагивать этот вопрос⁹. В Польско-Прибалтийском лендерсекретариате вопрос о Райволовской общине никогда не ставился.

Одно из национальных меньшинств, требовавших своей защиты, только иногда упоминалось в коминтерновских документах, когда речь заходила о балтийских государствах, и то только мимоходом. В данном случае речь идёт об евреях. Осторожность, с которой обращались к теме защиты еврейского национального меньшинства как в Коминтерне, так и советские дипломаты, дала о себе знать ещё в конце Гражданской войны, когда в 1920 г. велись советско-литовские переговоры, в ходе которых глава советской делегации А. А. Иоффе наотрез отказался учитывать пожелания литовской делегации о присоединении к Литве ряда территорий Польши, в которых имелось значительное еврейское национальное меньшинство. Позже, уже в начале 1930 гг. СССР использовал распространение в Литве юдофобских настроений, чтобы стимулировать переезд части литовских евреев в организуемую Еврейскую автономную область. Тогда же Иероним Морштын (поверенный в делах СССР в Латвии) информировал Москву: «Рост антисемитизма в Латвии и банкротство надежд на массовую эмиграцию в Палестину вызвал повышенный интерес к Советскому Союзу в широких еврейских кругах Латвии — в первую очередь среди интеллигенции. Эти круги дают между прочим 90% количества туристов из Латвии в СССР»¹⁰.

Отложившиеся в фондах Коминтерна многочисленные варианты вышеупомянутого документа (1933–1935 гг.) не приобрели форму окончательной директивы компартиям прибалтийских государств. Необходимость учета интересов и задач, стоявших перед советской внешней политикой, особенно в условиях быстрых перемен в международной ситуации и при давно ушедшей в прошлое «творческой самостоятельности» ИККИ и его структур, обуславливали исключительную осторожность в формулировании коминтерновскими работниками задач, особенно, в столь зыбкой и в доктринальном, и в практическом плане сфере, как национальная политика. Можно предположить, что даже если бы эстонские коммунисты действительно решились взвалить на себя задачу добиваться отделения от Эстонии населённого русскими Печорского края, то и без того тщедушная компартия быстро прекратила бы свое далекое от цветущего существование. Трудно представить, чтобы компартия Латвии активно включилась бы в борьбу за отделение Латгалии. Обращает на себя внимание тот факт, что польское национальное меньшинство, довольно компактно проживавшее на юго-востоке Латвии, оказалось «забытым». Если в этом случае сказалось стремление

⁹ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 11. П. 122. Д. 3. Л. 159

¹⁰ Там же. Ф. 0150. Оп. 32. П. 63. Д. 3. Л. 54.

советской стороны не вносить дополнительное раздражение в отношения с Польшей, то эта же «забывчивость» в отношении еврейского национального меньшинства в Литве и Латвии объяснялась распространёнными в этих государствах юдофобскими настроениями¹¹.

Стоит, однако, обратить внимание на следующее. Во второй половине 1920-х гг. в дипломатических кругах сложилось представление, что Советская Россия с неизбежностью будет использовать русское население Эстонии в своих политических целях. Финский посланник в Таллине Рудольф Холсти в одном из своих рапортов в МИД писал по этому поводу 19 ноября 1926 г., что своей политикой¹² Москва стремилась создать благоприятную почву для того, чтобы в нужный момент выступить в качестве друга, призванного на помощь какой-нибудь Изборской республикой, и осуществить затем захват Эстонии по уже испытанной «кавказской программе»¹³. Вероятной основой для подобного рода утверждений служили неоднократно в частных беседах высказывавшиеся западными (особенно английскими и французскими) дипломатами сомнения в длительном сохранении прибалтийскими государствами своей самостоятельности¹⁴. Но имелись и довольно резкие заявления некоторых высокопоставленных лиц в Москве (или, что было гораздо чаще — слухи — постоянные, настойчивые о выработке Россией каких-то особых мер и т. д.¹⁵) в отношении Риги и Таллина.

Не рискнём согласиться с наличием у Советской России изложенного А. Хакцелем плана действий. Заметим лишь, что в проекте коминтерновской резолюции цель формулировалась в определённо более ограниченных масштабах: речь шла о возможности отделения некоторой территории от Эстонии,

¹¹ В частности, именно национальность обусловила отказ руководства НКВД покидавшему Таллин полпреду А. М. Петровскому в занятии поста главы полпредства в Литве.

¹² Буквально «кротовой работе» (muugäntö), под которой он понимал такие, например, «уловки» России, как, поставка якобы голодающему русскому населению 30 вагонов хлеба, продажа хлеба и соли беднейшим его представителям по ценам значительно ниже тех, по которым обычно эти товары продаёт советское торгпредство в Эстонии, и т. п.

¹³ R. Holstin raportti ulkoasiainministeriölle, 19.11.1926: Kansallisarkisto (далее — КА). R. Holstin kokoelma. Kansio 61.

¹⁴ Беседа с английским послом в Варшаве, финский посланник Я. Прокопе услышал, что его собеседник считает даже неестественным длительное сохранение Эстонией и Латвией полной независимости. (Procopé H. J. Pro memoria: КА. A. Yijö-Koskisen arkisto. Kansio 6). Другой финский дипломат — Харри Холма сообщал в своё время из Берлина, что в МИД Германии ему не раз давали понять, что если Россия нападёт на Балтию, то Германия и пальцем не пошевеливает. (H. Holma A. S. Yijö-Koskiselle, 1.5.1924: Ibid. Kansio 3). Тот же Холма три года спустя уже в самой возможности децентрализации России, которая ему была высказана в германском МИД фон Дирксеном, увидел лозунг «Российских Соединённых Штатов», который может очень быстро превратиться в политическую аксиому и на практике повлечёт ликвидацию независимости балтийских государств. (H. Holma A. S. Yijö-Koskiselle, 15.5.1927).

¹⁵ См., например: P. Artin raportti Ulkoasiainministeriölle, 22.3.1928: КА. P. Artin kokoelma. Kansio 8; R. Holstin raportti Ulkoasiainministeriölle, 20.7.1928, 8.1.1926: Ibid. R. Holstin kokoelma. Kansio 61; A. Hackzellin raportti Ulkoasiainministeriölle, 6.10.1924, Pertin raportti Ulkoasiainministeriölle, 5.4.1928: Ulkoasiainministeriön arkisto. 5018; Varsovan lähetystön raportti Ulkoasiainministeriölle, 2.10.1933: Ibid. 5C13.

а не о присоединении всей Эстонии. Любопытно, что тогдашний глава Эстонии К. Пятс, осознавая насколько быстро и необратимо развивается международная ситуация в Европе, вовсе не в шутку в одной из бесед в 1935 г. заявил, что нельзя отвергать возможности, например, конфедеративного объединения Эстонии и Советской России.

Политическая установка, предлагавшаяся в проекте коминтерновской резолюции, борьба Эстонской компартии за права русского населения вплоть до отделения от Эстонии (такое изощренное порождение политической мысли было отнюдь не уникальным для того времени) — естественно, могла появиться только с согласия высшего политического руководства СССР. В 1935 г. решиться самостоятельно сделать такое предложение глава польско-прибалтийского лендерсекретариата ИККИ¹⁶ не мог, так как подобное предложение означало радикальное изменение предшествующей практики взаимоотношений Советской России с Эстонией. А эти взаимоотношения явно строились с учетом того, что русское население Эстонии не следует использовать в качестве одного из рычагов давления. Поэтому, сменивший в 1930 г. А. М. Петровского на посту полпреда Ф. Ф. Раскольников даже считал за лучшее не начинать объезда страны с Печорского края, чтобы не вызывать у эстонцев опасений. Причиной, несомненно, было нежелание ухудшать отношения с Таллином, когда была в разгаре борьба с польским влиянием в Прибалтике и планами создания блока балтийских государств. Судя по всему, Б. С. Стомоняков, курировавший в НКВД отношения с Эстонией, прямо запретил весной 1932 г. особую работу среди национальных меньшинств (имелись ввиду русские и евреи)¹⁷, хотя сам Раскольников, когда поднимал вопрос об этом, имел ввиду исключительно создание «из левых элементов этих меньшинств благожелательного окружения вокруг полпредства»¹⁸. Поднятая членом Государственного собрания Эстонии Алексеем Гречановым в разговоре с Раскольниковым тема присоединения Печорского края к СССР¹⁹ была воспринята в Москве как провокация²⁰.

¹⁶ В 1928–февраль 1935 г. — В. Мицкевич-Капсукас. В октябре 1935 г. лендерсекретариаты были упразднены.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 23. П. 33. Д. 1. Л. 51.

¹⁸ Там же. Л. 44.

¹⁹ Раскольников писал: «[Гречанов] крестьянин, социалист, переживающий идеологический кризис и замечающий в себе рост симпатий к коммунизму и к СССР... Он поднял вопрос о присоединении Печорского края к СССР не из провокационных целей, а потому, что у него наболело... Национальный гнет эстонского правительства будет все сильнее порождать в Печорском крае движение в пользу присоединения к СССР». (Там же. Оп. 22. П. 30. Д. 1. Л. 4). Негативно в Москве было встречено и другое предложение Раскольникова (май 1931 г.) о необходимости начать работу «среди русского и еврейского меньшинства в целях создания из левых элементов этих меньшинств благоприятного окружения вокруг полпредства» (Там же. Оп. 23. П. 33. Д. 1. Л. 44).

²⁰ Там же. Оп. 22. П. 30. Д. 1. Л. 41.

Однако главной причиной, обуславливавшей такое отношение, было, пожалуй, всё же явно преобладавшие среди русского населения Печорского края и Принаровья антисоветские настроения, о которых в Москве были хорошо осведомлены. В августе 1930 г. у Раскольниковца состоялась продолжительная беседа с упомянутым выше Гречановым. Последний пространно поведал о росте национальных противоречий, приведя в качестве примера плохое обращение с русскими солдатами эстонских унтер-офицеров в Печорах, выселении русских из Печор на окраины, на осушаемые болота, тогда как получавшие повышенные оклады эстонские чиновники заселяли город и т. п. Однако в итоге Гречанов был вынужден констатировать, что антисоветские настроения крайне сильны, даже среди бедноты²¹. Ситуация в этом отношении не изменилась и в следующем году. Несмотря на разорение русских крестьянских хозяйств, продажи за долги с аукционов русских хуторов, среди крестьян и рыбаков антисоветские настроения только усилились. Тот же Гречанов жаловался, что крестьяне соглашаются слушать его только после заверений, что он не является коммунистом²². В определённой мере на усиление таких настроений повлияло ужесточение пограничного контроля, а не «агитация кулаков», как утверждалось. Усиление пограничного режима повлекло за собой значительное сокращение масштабов приграничной контрабанды, служившей немалым подспорьем для жителей приграничья.

Именно не просто настороженное, а резко выраженное негативное отношение русского населения Печорского края к Советской России вызывало ответную, едва ли не враждебную реакцию в Москве (при этом в Москве неизменно отделяли вопрос о русском населении Печорского края от вопросов, связанных с русской антисоветской эмиграцией в Эстонии). В определённой степени учитывалась также оказываемая т. н. русскими националистами в Государственном собрании Эстонии поддержка планам вапсов (воинов-освободителей) по проведению конституционной реформы²³. На негативное отношение Москвы воздействовала также большая активность представителей различных политических группировок русского населения в Эстонии в таком деле, как налаживание контактов с представителями русского меньшинства в других европейских государствах (в Москве понимали: «с контрреволюционной эмиграцией»)²⁴. Поэтому, такие, например, события, как съезд представителей русских национальных меньшинств в Риге в 1929 г. и последующая подготовка более представительного съезда в Женеве неизбежно влекли за собой давление компетентных органов на НКВД в тех случаях, когда последний иногда всё же пытался, хотя и весьма робко, использовать наличие

²¹ Там же. Ф. 09. Оп. 5. П. 46. Д. 47. Л. 121.

²² Там же. Ф. 0154. Оп. 23. П. 33. Д. 2. Л. 17.

²³ Там же. Д. 1. Л. 44

²⁴ Там же. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 60об.

компактно проживающего в Эстонии русского населения в своих целях. Так было, например, когда велась подготовка советско-эстонской рыболовной конвенции. НКВД приложил немало усилий, чтобы доказать ОГПУ «политическую заинтересованность (СССР) в том, чтобы пойти навстречу интересам русских в Эстонии»²⁵. Позже, в 1936 г. полпред Устинов в беседе с министром внутренних дел Эстонии Карлом Энпалу категорически отвергнет любые обвинения в попытках вмешательства во внутренние дела Эстонии: «... мы не вмешиваемся и в дела, касающиеся русского нацменьшинства в Эстонии, это нас выгодно отличает от некоторых других государств, которые по понятным причинам проявляют повышенный интерес к своим нацменьшинствам». Устинов докладывал в Москву, что попытка Энпалу сослаться на деятельность организации «Молодая Россия», «восхвалявшей национальную политику Сталина», была отвергнута, так как эта организация белогвардейская и фашистская²⁶.

В определенной мере справедливым будет утверждение, что Москва отстраненно наблюдала за развитием взаимоотношений русского национального меньшинства с Эстонским государством. Даже когда на страницах эстонской прессы появились сообщения о планах переселения печорских рыбаков на балтийское побережье в целях ослабления кризисной экономической ситуации в Печорском крае, отдел Польши и Прибалтики удовлетворил свой интерес лишь запросив информацию о масштабах переселения и более к этой теме не возвращался²⁷. Устойчивый интерес в Москве сохранялся, пожалуй, только к одному вопросу — преподаванию русского языка в Эстонии и Латвии. Неоднократно запрашивались самые разные справки о правительственных, муниципальных, частных школах и гимназиях, в которых преподавался русский язык. Причины столь пристального внимания вышеупомянутый полпред И. Л. Лоренц объяснял так: «Если мы в течение ближайших лет не добьемся в Прибалтике другого отношения к русскому языку, то наше влияние по культурной линии может упасть»²⁸. С середины 1930-х гг. резко изменилось отношение к русскому языку в Литве. Министр юстиции Шилингас в апреле 1937 г. откровенно заявил полпреду Б. Д. Подольскому, что «устранение русского и немецкого языков является необходимостью для самосохранения, так как сильный национальный СССР не менее опасен, чем Германия. Кроме всего прочего существует еще идеологическая опасность со стороны СССР и его общий язык может способствовать усилению идеологического влияния с востока». Подольский,

²⁵ Там же. Л. 32–33. Вскоре, впрочем, выяснилось, что в НКВД не слишком хорошо разобрались в ситуации, так как с некоторым удивлением должны были констатировать, что русских рыбаков в Причудье интересовали не столько районы рыбной ловли, сколько вопросы сбыта улова в Россию: Там же. Д. 41. Л. 79.

²⁶ Там же. Ф. 0154. Оп. 29. П. 42. Д. 8. Л. 39.

²⁷ Там же. Ф. 0154. Оп. 21. П. 27. Д. 3. Л. 17; Д. 4. Л. 17об.

²⁸ Там же. Ф. 0150. Оп. 22. П. 46. Д. 4. Л. 140.

со своей стороны, констатировал: «Если ко всему этому прибавить то, что мы проявляем в этом вопросе известную пассивность и не стремимся хотя бы закрепить прежние наши позиции в школах и университетах, то при сохранении ими темпов, которыми они взялись за борьбу против всего русского, мы можем в ближайшие годы потерять очень важную позицию среди молодежи — это русский язык, который играет в Литве большую роль в смысле связи с СССР, как в идеологическом, так культурном и научном отношениях»²⁹. Схожие сожаления высказывались полпредством в Латвии. Однако всё ограничивалось констатацией складывавшейся ситуации, советская сторона не предпринимала фактически никаких усилий для её исправления. В июле 1935 г. состоялся примечательный разговор полпреда в Латвии Стефана Бродовского с одним из представителей русской общины, заметившего, что «у СССР большие успехи в Латвии, что русское население в Латгалии благодаря нашей успешной работе³⁰ всецело за СССР. Я заверил... что никакой работы в Латгалии и вообще среди русского и нерусского населения не ведем, но националистическая политика Ульманиса заставляет, понятно, русское население обращать взоры на восток»³¹. В полпредстве в Риге считали, что слухи о работе советских структур с русским национальным меньшинством в Латвии «распространяются латвийской контрразведкой, которая пытается запугивать здешние иностранные круги советской опасностью»³².

На протяжении всего межвоенного периода советская дипломатия, признавая возможность использования национальных меньшинств в качестве инструмента влияния на политику балтийских государств, на практике не прибегала к нему. Сдерживающими факторами являлись, прежде всего, отсутствие реальных возможностей (единственные структуры, которые могли быть для этого использованы — национальные компартии, тщедушность которых была очевидной, как, впрочем, и не устраивавшие руководство Коминтерна колебания в их руководстве в вопросе национальной политики), отсутствие четкой позиции у политического руководства СССР в этом вопросе, обусловливаемое динамикой внешнеполитических ситуаций, но также и распространенным в самых разных общественных кругах негативным отношением к большевистской России. Результатом, однако, было и то, что в двусторонних отношениях тем самым не допускался неизбежно породивший бы обострение противоречий элемент.

²⁹ Там же. Ф. 0151. Оп. 28. П. 53. Д. 3. Л. 24.

³⁰ Ознакомившийся с текстом доклада сотрудник I Западного отдела НКВД сделал на полях помету: «?!»

³¹ Там же. Ф. 0150. Оп. 32. П. 64. Д. 7. Л. 60–61.

³² Там же. Л. 100.

Список литературы

Кен, О. Н. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. / О. Н. Кен, А. И. Рупасов. — Москва : Алгоритм, 2014. — 720 с.

Мартин, Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин ; пер. с англ. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 855 с.

Новикова, Л. Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков / Л. Г. Новикова // Отечественная история. — 2006. — № 4. — С. 140–145.

Щербак, А. Н. Влияние внешней политики на национальную политику СССР / А. Н. Щербак, Я. Я. Герина, Д. А. Бердюженко, А. Б. Мендыгалиева, А. В. Зайцева // Политика. — 2017. — № 3. — С. 99–116.